

Сергей МУРАШЕВ*г. Коломна*

БОТЦОМ

(Из цикла рассказов)

Чудо

*С Богом! –
говорят, в дорогу отправляя.*

...Как-то раз в середине зимы я шёл из Малой Липовки в Михайловку по хорошо расчищенной автомобильной дороге.

Недавно ещё стояла оттепель, а теперь приморозило, – и на дороге гололёд. Так что дорожники на всех подъёмах щедро подсыпали песка с мелким гравием.

...И вот подхожу к одной горке... – а там сплошной неровной полосой вдоль по дороге клесты с воробьями расселись. Ловко клюют что-то, выбирают среди камешков. Сами птички маленькие, воробьёв, правда, побольше... Да такие же размером... как тут же попадающиеся смёрзшиеся комья песка!

Как к клестам подошёл, ближние меня испугались и почти половиной стаи сорвались... но, только передние пролетели, – тут и сели. И я дальше иду. Теперь те, что позади оказались,

тоже в свою очередь взлетели и тоже сели сразу. Клюют, торопятся... А я иду – и радостно, что не улетают! – друг за дружкой две стайки перегоняю.

...Вдруг, словно показалось, – впереди не две стайки перелетают, а кто-то ступни переставляет! Кто-то огромный, невидимый и только ступни испачкал. Идёт шаг за шагом.

Так я «за ступнями» во всю горку поднялся и дальше, уже по прямой, не посыпанной песком дороге долго шёл... Потом смотрю, клесты небольшими стайками стали улетать и рассаживаться на ближайших деревьях и кустах. Впереди идущие ступни становились всё менее и менее заметными и вскоре совсем исчезли.

Вода течёт

Родная деревня Малая Липовка звучит как малая родина. Она не стоит на берегу реки. До нашей речки Пуи километра полтора. Но с одной стороны Липовки текут ручьи Валова и Мухин

Лог, а с другой – Кукино. Мухин Лог и Кукино впадают в Валову. Валова – в Пую. Пуя в Вагу, Вага в Северную Двину. А Двина – в Белое море.

Помню, как мы спускаемся к Валове с мамой и отцом полоскать бельё. Гора длинная, вся в разнотравье. Отец тащит на плече огромную гольтиницу [1] с бельём, а мы с мамой идём следом. Бельё только что постирано, видимо, ещё не обтекло. Поэтому с гольтиницы капает, иногда бежит струйкой. Отцовский пиджак на плечах и до середины спины потемнел от воды. Тропинка изрыта копытами коров, около ручья пахнет сырой болотистой землёй, травой багулой [2], комаров становится больше. Я отмахиваюсь от них, но мне так интересно, что комары нипочём. В ручье сделана запруда из камней, чтобы поднять воду. Камни на запруде кое-где покрыты зелёным мхом. Перед запрудой доска и шест с берега до берега. Доска почти на уровне воды, а шест поднят на полметра. На него будут вешать прополосканное бельё обтекать. Отец опустил на доску корзину, мама встала рядом, поплескала на шест, чтобы смыть, если есть грязь, и принялась полоскать. Вода чуть замутилась белым мылом. Я пошёл посмотреть, куда она бежит, и тут же увидел меев [3]. Они, заметив меня, быстро спрятались под камень, а поверх камня, как лёгкие облака в небе, пошла полупрозрачная мыльная вода, с каждой секундой своего плаванья становящаяся всё прозрачнее...

Рыбалка в Михайловке

Мой отец из Михайловки, а дед и прадед из Туймино. Если от Михайловки до реки надо спускаться под крутую гору, то Туймино стоит прямо на берегу.

В Михайловке жил дед. На реке у него всегда ждала нас прицепленная на замок лодка-осиновка [4]. На лодке этой мы с братом плавали с самого детства, правда, попервоначалу раскачиваясь из стороны в сторону, как в люльке.

Излюбленной нашей рыбалкой стала ловля щук на крюки [5]. Как-то так получилось, что отец в то время не занимался крюками, но у деда в старой корзине нашлось несколько рогаток с толстой леской и огромными крючками. Надо было поймать рыбы, а в сетки из-за жары почти ничего не попадало. Мы поехали с отцом в ночную, он между делом поставил несколько рогаток, наживив ершами, которых мы с братом пой-

мали. И вот на этих мелких колючих слизких ершей попали самые настоящие щуки.

Помню, ночевали в тот раз около Власовича мельницы (когда-то там стояла мельница) на песчаном мысу, поросшем кустами. Отец развёл костёр, нарубил ивовых веток для лежанки. Поверх веток расстелил рокон, холодный и чуть мокрый от вечерней росы. После того как поели, мы с братом легли спать. Но мне, как обычно, долго ещё не спалось. Я лежал на спине, закинув руки за голову, широко раскрыв глаза, словно старался что-то увидеть в темноте. Иногда поворачивался то на один бок, то на другой. Смотрел на потрескивающий костёр, слушал переливы реки.

Мысок, на котором мы расположились, – словно полуостров в виде листка берёзы. С одной стороны – затхлое староречье, с другой – бьёт течением перебора Пуя, стараясь перегрызть черенок листочка и побежать напрямую через староречье. Рядом с костром чернеет вытащенная на песок лодка. К ней приставлено белое новенькое весло лопатой...

Я проснулся на рассвете. Отец не спал, шевелил палочкой в костре. Не знаю, ложился ли он вообще. Выше по течению приглушённо шумел перебор. Надо всем висел одеялом густой туман. Я тут же побежал на самый край мыска, чтобы посмотреть, как сетка. Но ничего не видно. Не то что сетки и реки, а даже того места, где вода соединяется с землёй.

Потом мы с братом несколько раз бегали смотреть, но всё ещё ничего не могли разобрать. Иногда там, куда мы вглядывались, стали слышны тихие глухие всплески. И каждый раз казалось при этом, будто кто с берега случайно уронил пару комков глины. Вскоре на переборе проснулись хариусы, туман просветлел. Стало понятно, что где-то поднялось солнце. Туман, до этого спокойно лежавший, стал суетливо бежать куда-то, истончился. Уже угадывался шест, к которому привязывали сеть, и белые крупные полавки её, уходящие в туман. Все они лежали на поверхности воды спокойно, значит, ничего не попало.

Отец тем временем вскипятил чай со смородиной. И пока мы завтракали, словно от горячего чая туман вдруг пропал. Хотя ещё виден кое-где в далёком повороте реки среди деревьев тонкой кисейей, пронизанной солнцем.

Обе сетки теперь можно хорошо рассмотреть с края мыска. Ни один поплавок не подтоплен, так что на улов нечего и надеяться. Около сеток

и по всей поверхности реки, почему-то кажущейся немного белесоватой, словно молока в неё добавили, булькает мелкая рыбка, свободно проходящая сквозь ячеи. В лесу со всех сторон поют птицы. Я услышал это пение вдруг, словно до этого было совершенно тихо. Видимо, весь я был поглощён выглядыванием сеток и ничего не слышал, пока не лопнула на ушах моих тонкая плёнка, как только что расточился и лопнул туман.

В конце курьи стоял крюк, и брат заметил, что леска натянута, поблёскивает на солнце и иногда подёргивается. Я ничего этого не видел, даже кола не видел. С детства носил очки, которые не очень помогали. Зато у брата зрение было отличное. Позже, на врачебных комиссиях, он легко читал не только самую нижнюю строчку, но и все выходные данные таблицы: тираж, номер заказа и адрес типографии. Поэтому я уже не смотрел в сторону крюка, а смотрел на брата и по выражению его лица старался понять, что там.

– Сидит, – наконец сказал брат, и мы побежали к отцу.

Он спокойно отнёсся к нашему известию. Дал мне в руки весло, чтоб я выхлестал скопившуюся в носу лодки воду. Брату велел залить из котелка едва дымивший костёр. Рюкзак уже был собран.

Отец спихнул осиновку в воду, усадил нас и, шагнув одной ногой в лодку, второй оттолкнулся от берега.

Сначала мы проплыли вдоль сеток, потом мимо крюков. Теперь и я видел, как один размотанный крюк кто-то сильно тянет. Отец определил, куда утащена леска, и осторожно, крадучись, подплыл с противоположной стороны. В последний момент рыбина всё-таки почуяла нас и метнулась в сторону, но отец успел подцепить леску веслом. Леска зазвенела. Рыбина блеснула жёлтым в воде и хотела уйти под лодку, но отец не дал и в ту же секунду перекинул щуку через борт к нашим ногам.

Она была довольно большая. Изгибалась, грозно хлопала хвостом по дну. Около морды на поводке и леске нарвана пучками трава. От щуки пахло щучьим запахом свежести. Мы с братом вместе вдохнули этот запах, знакомый с самого младенчества. И стало нам хорошо и радостно. В тот день мы поймали ещё одну щуку и два крюка оказались размотанными впустую. Посоветовавшись с дедом, отец решил надеть новых крюков. Дедовых было мало, да они и не годились. Крючки у них огромные и одинарные, леска для размотки короткая. Дело в том, что дед привязы-

вал крюки не к колу, а к сухой жердине, которую кидал на траву так, чтобы конец с крюком выходил на чистое место. Если хватала щука покрупнее, то она, размотав леску, попросту утягивала жердину на несколько метров в ту сторону, куда ей вздумается. Эдакие крупные щуки во времена моего детства водились реже, да и вырубать каждый раз жердину совсем не хотелось.

Мы не стали вырезать крюки (вернее, рогатки из деревянных рогулек), а сделали из старой транспортёрной ленты с зернотока [6]. По структуре она напоминала ремень привода вентилятора в машине, только широкая и не такая твёрдая. Отец нарезал эту ленту на прямоугольники в полтора-два спичечных коробка размером. Вместо лески использовали капроновую нитку, которая лучше наматывалась и была крепче. Поводки сделали из тонкой проволоки. Крючки-двойнички пришлось купить.

Щуки брали отлично. Помню, поставишь крюк, отплывёшь метров десять, замешкаешься чего-то, а крюк-то уже размотан. Правда, сходов случалось тоже немало: то ли щуки чувствовали грубые поводки, то ли были мелковаты и выплёвывали живца, не заглотив его.

Живцов мы теперь не ловили на удочку, а ездили с мордами – ловушками для рыбы, на Глухое озеро за карасями.

Глухое озеро находится недалеко от центральной дороги прямо посередке бора между Михайловкой и Палкином. Такое название, понятное дело, дано ему не потому, что до него трудно добраться. А всего скорее из-за непонятности, таинственности и гиблости места. Некоторые считают, что озеро – не что иное как воронка от огромного метеорита, поэтому круглое и прямо среди бора. Учитель истории рассказывал нам, что это типичный пример перехода озера в болото.

Глухое озеро имеет круглую форму и находится посередке бора, берега его, на самом деле болотистые и ходят под ногами ходуном, так как состоят из тонкого слоя земли и сплетения корней растений – эдакого ковра, лежащего на воде. Посередине озера виднеется небольшой островок травы. Вдоль берега растут белые лилии и жёлтые кувшинки. Дно до невероятности илистое, поэтому забросить морду прямо так нельзя, её надо повесить над дном на жердине, кинутой на берег.

Мордочки мы ладили из фильтров от тракторов и больших машин, вместо рукава пластиковая воронка с сероточки [7]. Внутри мордочки для приманки клали хлеб и сухари.

Бывало, приедешь на велосипеде или с отцом на мотоцикле, спустишься к озеру. С воды сорвутся ночевавшие здесь утки, сделают круг и унесутся на Пуя. Лилии только-только ещё распускаются с ночи, просыпаются, ещё в сжатом состоянии, но уже видны их белые сложенные лепестки. Вдоль по берегу черника, зеленоватая ещё голубика и ближе к воде совсем белая, не заметная от этого клюква. Пахнет багульником, болотиной и чуть затхлой водой. Комаров здесь в низине как пыли, и все они голодные. После того как набрал воды в бидончик и намочил руки, кажется, эти комары нападают ещё сильнее, летят на мокрое. Осторожно подходишь к месту установки первой мордочки, к жердине, наполовину уткнувшей свою вершинку в воду. Под ногами хлопает, по ковру-берегу идёт едва заметная волна, переходит на воду, бежит к середке озера, искажая отражения облаков и только что поднявшегося из-за сосен солнышка. Ухватишься за жердину, потянешь морду вверх, а она идёт тяжело, словно завязла, но как только появляется на поверхности, вся блестящая от стекающей воды, сразу становится легче. В иной морде нет ничего, а в иной – на треть блестит, шевелится карасиное золото. При такой удаче – сразу полный бидончик. Тут уж мелочь – обратно в озеро.

Домой приедешь, отберёшь самых крупных карасей – и на реку. Оставшееся в бидончике золото выльешь в бочку с водой, набранной для полива огорода. Плавают караси там, а их почти и не видно на дне, спинки тёмные, незаметные. Это про запас – не каждый раз удавалось съездить на озеро, да и попадало не всегда.

Половив несколько дней, отец отдал всю рыбалку в наши с братом руки. Правда, по малолетству, мы сразу убавили количество крюков и ставили их только у самой деревни.

Но вот беда, щук мы вытаскивали редко. Дед, проверявший свои сети, заодно проверял и наши крюки (чтоб рыба не попортилась). Сказать деду, чтоб он этого не делал, мы, конечно, не могли. Поэтому стали ездить раньше. Но всё равно каждый день нас ждала в холодильнике уже почищенная щука. Дед, видимо, не понимал нашего желания вытащить упирающуюся рыбину самим, не понимал нашего азарта. Когда мы приезжали к нему, как казалось нам, очень рано, дед говорил нам, какие крюки надо наживить.

Но иногда нам всё-таки везло. Дед проверял сети очень рано, и до нашего прихода на какой-нибудь крюк ещё успевала схватить щука, живая, не из холодильника.

Год за годом мы всё чаще стали ловить на крюки, облавливать всё новые и новые места. Вообще, рыбалка с помощью крюков была у меня одной из самых любимых. Плавали обычно вверх по реке, уже намного выше Михайловки и Туймины. Пуя там в основном тихая, с медленным течением. Хотя есть и переборы, но всё так зарастало травой, что уже казалось, что это не перебор, а мелководье. Иногда трава оказывалась настолько густой, что лодка едва пролезала сквозь неё. Приходилось плыть стоя, толкаясь в дно длинным шестом. В лодке всегда лежала старая сточенная коса, которой мы выкашивали маленькие кулишки от водорослей, чтоб в это место закинуть живца, и он ходил вольно, не цепляясь за траву. Иногда колы вырубать не хотелось, и мы привязывали крюки к прибрежным кустам, к топлякам – брёвнам, один конец которых лежит на дне, а второй чуть выкуркивает на поверхность воды. Старые, потемневшие, потрескавшиеся, с выгнившей болонью [8] и торчащими сучками, они остались, наверно, ещё с тех времён, когда по Пуе шёл сплав. Подплывёшь к крюку, привязанному на такой топляк, и всё думаешь: «Схватила на него щука да на дно утащила брёвнышко. Вот, не найти будет». Но ничего подобного не случалось. Как-то на крюк, привязанный за куст, попала удивительная щука. Она каким-то образом закинула размотанную нитку высоко на ветки куста. То есть уже после того, как попала, перелетела через куст в невероятном акробатическом прыжке. Самое удивительное то, что именно в этой щуке, когда мы её чистили, оказались косточки птицы, съеденной, конечно.

Помню, в один год я пропадал на реке почти всё лето и, по крайней мере, половину лета ночевал на реке около костра. Сенокос прошёл как-то быстро, но и в эти дни мы ловили. Потом отец вместе со вторым лесником долго работали на прореживании бора вдоль реки. Мы с братом ездили с ним: собирали грибы да ловили рыбу. Лето было удивительное – щука лучше брала днём. Проплывёшь в одну сторону, крюки проверишь – щук шесть попало, плывёшь обратно – ещё шесть щук. И так можно плавать туда-обратно, только живцов меняй. Кончились караси – сел на велик и на Глухое озеро или пешком напрямки.

После того как отец закончил прореживание, мы ловили кому-то на свадьбу, ещё куда-то. Я столько нагрёбся веслом в том году, что руки и пресс у меня стали просто железными. Пять километров против течения легко давались минут

за сорок. Сколько же этих самых километров я проплыл в том году? Сотни. И куда уплыл за это лето? Что нового увидел в такой далёкой стране?

Конечно, ловили мы не только на крюки, но и на удочку, и в сети. Вспоминается, как попадётся в сети то небывалых размеров сорожина, то огромный тёмный окунь, которого сложно удерживать в руках, приходится прижимать к животу. При этом боишься, как бы колючками не поколос. Бывает, щука искушает всю рыбу в сети, а потом, этакое полено, и сама заусится, зацепившись за нити зубами, напихав их в пасть. Одновременно и огорчительно, и радостно, когда в новой сети обнаружишь вдруг две огромные дыры: бобёр прошёл туда и обратно. Оглянешься и как-то сразу увидишь его свежий лаз, несколько срезанных веточек, тоненькую осинку, наполовину очищенную от коры.

– Ух ты! – помашешь в сторону лаза кулаком и улыбнёшься.

Но простая ловля в сети меня не так привлекала. Больше нравилось ботание [9]. На этой рыбалке переезжаешь с места на место. Булькаешь длинным ботом [10], пугая рыбу. А брызг сколько! Весело, особенно в тёплую погоду. Правда, сетку приходится всё время переставлять. Зато сразу видно: попало – не попало. Мне нравилось плавать от Михайловки вниз, ставить сетку поперёк реки и гнать в неё рыбу. Иной раз дно такое каменистое, что шестики сложно воткнуть. Первый-то шестик заколотишь прямо в берег, где земля, а до противоположного берега сети чуть-чуть не хватает. Второй шестик никак не втыкается – течение тянет сетку, выворачивает шестик. Отец велит мне вылезти из лодки на какой-нибудь камень и держать шестик, который не смогли воткнуть, и тетиву [11] руками, а сам уплывает вверх по реке метров на сто. Река мелкая, вся в камешнике, так что хорошо видно дно. Как же интересно смотреть. Сначала никого нет у сети. Потом вдруг зацепилась какая-то маленькая рыбка, заблестела серебряным листиком, слегка задёргала, словно нерешительно, поплавок.

Но вот отец начал ботать. И первыми прибежали ельцы. «Эта рыба пословная», – говорит дед. «Пословная» – это значит легко ботается, пугаешь немного – и готова на несколько сот метров бежать. Другое дело хариус, его поперёк реки ни за что не заботаешь – не боится. Некоторые считают, что он просто не вниз по течению убегает, а вверх. Люди пробовали снизу вверх ботать – без толку. Я сам несколько раз видел,

как на переборах крупные хариусы отвернут от весла лодки и дальше стоят на своём месте.

...И вот отец начал ботать – побежали ельцы, и ты знаешь, что это оттуда, от отца. Мелочь сквозь ячеи проскакивает, а крупные остаются. Вот уже два полавка затряслись. Когда отец подплывает ближе, к сетке наведываются сорожены. Эти не летят стрелой, как ельцы, не суются сразу в сеть. Уплывают обратно, снова возвращаются, пугают друг друга, суетятся. Отец, стоя в лодке, орудует ботом, старается не пропустить их, и уже когда совсем поджимает, сорожены решаются на прорыв. Самые хитрые обходят сеть прямо около меня, огибая шест. Мелочь проскакивает: некоторые рыбки с ходу, некоторые на секунду задержавшись в ячее. Ельцы попадают в основном посерединке, сорога и окуни около берега. Недалеко от шеста, который я держу, заусился окунь и очень сильно дёргает полавков. В сети уже рыбок пятнадцать. Поплавки подёргиваются то тут, то там, словно пульсируют, я держу один палец на тетиве и чувствую общий этот пульс.

Отец всё ботает, он почти вплотную подплыл к сети. Кажется – зачем? Вдруг вся сеть резко дёргается, полавков семь посерединке тонут. От неожиданного рывка меня чуть не сбивает в воду. Это ударила щука, стоявшая до самого последнего. Чтобы она лучше заусилась, отец ещё несколько раз ударяет по воде ботом. Крупные брызги долетают до меня, действуют ободряюще, пропадает оцепенение, то ли от долгого удерживания шестика и сети. Отец направляет лодку ко мне, одновременно разворачивая её в нужное положение. Перехватывает шестик. Я прыгаю в лодку на своё место, чтоб подгрести веслом, отец уже выбирает [12]. Мелочь не вынимаем – это потом – на берегу и когда будем в следующий раз закидывать. Надо постараться поднять щуку. Она крупная и не может по-настоящему зауситься в слишком мелкую для неё сетку. В таких случаях иногда поднимаем, а иногда уже и нет её. Попала – хорошо, и не попала – тоже хорошо. Но сколько раз я видел, как отцу удавалось схватить щуку, стоявшую около сетки, прямо руками. Вдруг наклонится вперёд, буквально повиснет над водой, вот-вот упадёт, рука в воду по самое плечо, лодка накренился, черпанёт немного. Я накренился на другой борт, чтоб уравновесить. Смотришь: достал щуку, держит за жабры, кинул в нос лодки прямо через меня, обдав каплями с хвоста, – и дальше выбирать сеть.

Уже потом, когда поплывём вниз по течению и я буду править, отец сядет на свою мокрую от ботания беседку [13] и только улыбнётся, выжимая рукав пиджака.

Капли с рукава падают в речку. Сквозь несколько слоёв выбранной сети и обрывки водорослей поблёскивают, подёргиваются рыбки, в носу лодки ударяет хвостом щука. Слегка пахнет тиной, водорослями из сети и рыбой. С берега тянет сладковатым запахом травы.

Плыть хорошо. Я почти не гребу, только иногда поправляю незаметным движением весла лодку, чтоб она шла вдоль реки. Место здесь глубокое, течение едва заметно. Мы в тени. Комаров мало, и они почему-то в основном крутятся около сетки. С прибрежных кустов капает влага осевшего тумана. Далеко впереди, в повороте, дорожкой блестит солнце на переборе. На ближайших полях тарахтит трактор – косит. У нас уже накошено. Сегодня гребля. На сенокос надо попасть к десяти, и отец думает, закидывать ли ещё или хватит. Мы молчим. Тихо. Только чмокают упавшие с кустов крупные капли влаги. Я совсем не управляю, положил весло перед собой, поэтому лодку потихоньку разворачивает, уже поставило поперёк речки. И я знаю, что скоро отец будет видеть то, что видел я, а я – то, что отец.

Первая рыбалка

На ручье Кукино, что течёт под боком у Липовки, я впервые рыбачил на удочку. С отцом. Мы были с братом совсем маленькие, и отец специально для нас устроил эту рыбалку. Привёл на место, заприметив меев заранее. Мы сидели, как мне казалось, на крутом берегу. А бережок-то, наверно, – сантиметров двадцать над водой. Ещё совсем весна, солнце яркое, молодая зелёная травка только-только поднялась над землёй. Отец сидит на корточках. И сейчас мне даже кажется, что мы такие маленькие, что уместились у отца на коленях: брат на одном, а я на другом. Но нет, конечно, нет. Я стою, обняв отца, прижимаясь к его рабочему пиджаку, пропахшему лесом, смолой и костром. А младшего брата он действительно посадил на колено. Удилище короткое, размером с малинину. А может, это малинина и есть? Нет, ивинка. Отец закидывает леску выше по течению. И вот весёлый ярко-красный поплавок, крутясь на бурунах, быстро несётся к нам, проплывает мимо. И вдруг уходит под воду. Под водой он не такой весёлый, а

какой-то тёмный. Отец подсекает, и к нам навстречу летит маленькая рыбка. Мейвы клюют одна за другой. Иногда какая-нибудь отцепится от крючка и упадёт на самый край берега. Тогда я бегу её хватать, прижимая к земле. Брат, хотя ему хочется, не подбегает к самой кромке воды. Бойтся. Для него Кукино всё ещё огромная река. Иногда отец даёт подсечь нам. Вытащенные рыбки летят от наших стараний далеко в сторону, в сырое место. Здесь растёт «речной лук». И рыбок надо брать осторожно, чтоб не порезаться о жёсткие листья лука. Подняв рыбку, я вспоминаю, какой вкусный этот лук. Отец научил есть. Вытаскиваю несколько штук из земли. Отец сполоснёт в воде, достанет сердцевинки «ножечки», чтоб не повредить язык. А потом даст нам с братом, возьмёт и себе. Мы с удовольствием едим нежную белую часть. Для нас это и недостижимое мороженое, и невиданные пока бананы.

Мне кажется, в этот день меев и нючей наловили очень много. Когда пришли домой, мы с братом задремали. Устали, бедолаги. Проснувшись, я пошёл на кухню. На плите на сковородке шипело и скворчало. Пахло жареной рыбой. Раскрасневшаяся мама в косынке сказала:

– Зови всех!

Особо приятно было есть рыбу, добытую своими руками. Мы с братом сидели как настоящие рыбаки и словно чуть-чуть взрослые. Как хозяйева какие-то. Прожаренные, пропаренные мейвы с лучком, с молочком просто таяли во рту. Их можно было есть прямо с косточками.

Как-то, уже взрослым человеком, я при маме рассказал гостям про этот замечательный обед. Но мама только удивилась. Она не помнила такого. Мы долго спорили с ней. Я рассказывал про удилище из малины, про речной лук... Мама сказала, что на рыбалку мы ходили, но меев она не жарила. Она объяснила, что жарила, наверно, мойву, купленную в магазине. А наших меев варили курам. Я согласился, но всё-таки до сих пор верю, что ели мы тогда меев, а нючи?... – нючи пошли на корм курам.

Поездом

Весной, в начале июня, когда вода уже спала, а трава только-только появляется в реке, мы ездили на рыбалку поездом. Это особая рыбалка, на которую требуются четыре человека, и меня на неё не брали лет до двенадцати.

Ещё в детстве будоражило и тревожило меня

слово: «поездом». Почему-то в первую очередь представлялся настоящий поезд, каким мы добирались из Вельска в Архангельск. Уже потом, после поезда, вспоминал про рыбалку.

Уедет отец с мужиками к ночи, и наутро меня будить не надо. Подскачу и бегом к старой бане. А там полный таз крупной рыбы, блестящей, словно облитой серебром и тёмным до черноты золотом. Иной раз чуть позже проснёшься, и рыбы уже нету, осталась только широкая доска с высыхающими на утреннем тёплом солнце крупными чешуйками. Над доской носятся назойливые мухи. А где-нибудь в сторонке сидит соседская кошка и с урчанием доедает рыбы потроха. Наша кошка Мурка, видно, уже наелась. Постойшь немного, послушаешь кошачье урчание, помотришь на мух, которым ничего не досталось, понюхаешь запах свежей рыбы, мешающийся с запахом подпорченной (похоже, что-то из потрохов со вчерашнего дня куда-то завалилось, а может, это от слитой вчера воды, в которой ополаскивали рыбу). Вдруг почувствуешь, что мухи и комары как-то настырно в глаза полезли. Наверно, задумался о чём-то и перестал отмахиваться. Потрясёшь головой и побежишь домой пить парное молоко с белым хлебом.

Плавать поездом мне нравилось. Хорошо, тепло, ночи светлые. Рыбалка интересная. Для неё необходимо две лодки. А у нашей семьи Мурашевых всегда на реку две, а то и три лодки спущено. Две хорошие, а третья совсем старая, так, через речку переправиться, недалеко сплавить или половить карасей в староречье. Поэтому без нас рыбалка не обходилась. Плавали, конечно, мужики из других деревень на резиновках и щитовках, но это всё не то.

Меня отец стал брать поездом, только когда я по-настоящему окреп физически и стал хорошо управлять лодкой. Да и понятно: там всё мужики, а я пацан – как бы не подвёл. Но воспоминания мои о причастности к рыбалке поездом начинаются намного раньше. Помню, как-то отец сказал мне:

– Пойдём, лодки поможешь перегнать. Сможешь гребсти?

Я замер на несколько секунд в улыбке от такого предложения. Мне было лет семь, и я никогда ещё не плавал один на лодке. Я, конечно, согласился. И пока шли до реки, мне всё казалось, что земли не касаюсь, а поверх одежды накинута какая-то особая наэлектризованная рубаха.

Две лодки надо было перегнать всего метров четырёхста, до того места, где их можно будет

погрузить на тракторную телегу. Дело в том, что мужики за две ночи спустились по реке поездом от Михайловки до Липовки. Обратно загонять лодки против течения по частым переборам – лишний труд, поэтому их отправляют в Михайловку посуху. Среди двух ходовых лодок одна всегда была новая, ещё светлая, а вторая – старая, потемневшая, слегка латаная. Отец оставил себе старую лодку, а меня посадил в новую, дал весло и оттолкнул от берега. Он, конечно, мог перегнать обе лодки по очереди или привязать одну к другой, но доверил плыть мне. Видно, был уверен и во мне, и в лодке. Я плыл зигзагами. Лодку мою несло то к левому, то к правому берегу с риском врезаться на полном ходу в этот берег. Едва мне удавалось отвернуть, хотя веслом я работал изо всех сил, загребая то с одной, то с другой стороны. Лодка качалась от моих усилий, качалась река, качались берега и небо. Мне казалось, что наша Пуя – стремительная горная река, а сам я маленькая щепка в её бурном потоке. Но мне всё-таки удалось доплыть до нужного места и не перевернуться, не выкупаться [14]. Отец уже ждал на берегу (в какой-то момент он обогнал меня, хотя плыл до этого позади). Отец захватил лодку, вытащил её нос на камешник. Я оглянулся назад. Мне всё ещё казалось, что я там, на реке, загребая веслом и борюсь с течением.

А в двенадцать лет я уже прекрасно плавал на осиночке хоть сидя, хоть стоя, хоть с веслом, хоть с шестом. Поэтому отец и взял меня на рыбалку гребцом к себе в лодку.

Моя первая рыбалка поездом началась от Касковы, небольшой речки, впадающей в Пую выше Туймина. Проплыть надо было до Михайловки, километра три, с этим мы справились за вечернюю зорьку.

Выплыли, когда солнце только-только спряталось за лес, а вода в реке хранила ещё красноту заката. Кричит коростель, поют птицы, жужжат, пищат комары. Лодки носами тянутся к противоположным берегам. В носах гребцы. Приходится отпускать лопату [15] глубоко, чтоб не было слышно бурления. Загребашь один раз к берегу, один раз вдоль по лодке, один раз к берегу, один раз вдоль по лодке. В корме лодок главные рыбаки, те, что поездок [16] ведут. Иногда они стоят, а иногда сидят. Когда место глубокое, то четырёхметровые шесты, к которым прилажен поездок, почти полностью под водой. В это время сложно гребцам. Кажется, не двигаются лодки с места, привязал их кто-то.

Один раз к берегу, один раз вдоль, один раз к берегу, один раз вдоль. На всю лопату, на всю лопату. Но вот самую глубь прошли, шесты уже на полтора метра из воды торчат. Впереди чуть блестит рябью мелкое место (приволека), а за ним и перебор. Лодки пошли ходчее, поддаются уже, их вроде даже чуть понесло течением. По рукам, когда они чуть расслабились, словно лёгкий ток прошёл.

– Хэ! – кричит отец.

Значит, надо грести назад, лодки сплываются вместе, из воды поднимают поездок, и в его сети, в самом кармане, когда он только появляется из воды, с булькотом трепещется десятка полтора мелкой белой рыбы, два средних окуня и щука.

– А я не почувствовал её, – говорит рыбак, который ведёт поезд во второй лодке.

– Так она в мой угол ударила, – отвечает отец.

– Я слышал, как окуни подёргивали. Да всё думаю: не будем подымать, дождёмся. А уйдут так уйдут...

Всё, разговор окончен, рыба вынута. Пока её вынимали, мы, гребцы, загнали сдвоенные лодки метров на десять выше того места, где закончили ловить. Снова расплылись каждый к своему берегу. Я разогнал лодку, чтоб легче шла, но уже снова завели поездок, загнали его к самому дну. Лодка моя словно встала, её как будто даже потянуло назад. А назад оглядываться некогда, надо плыть вперёд: на полную лопату, один раз к берегу, второй – вдоль борта. Тянем, тянем поездок к приволоке, поджимаем рыбу.

– Смотри не перегоняй, – говорит отец еле слышно.

Но я хорошо знаю его голос, все интонации его, и сразу понимаю, в чём дело. Нос моей лодки чуть впереди носа второй. А это нехорошо – надо, чтоб поездок шёл ровно. Я гребу несколько раз только к берегу, и то не сильно. Совсем не грести нельзя – поездок вывернет карманом по течению, и тогда дело пустое.

Вот уже и приволока. Лодку понесло. Река в этом месте сужается. Я резко выворачиваю нос вдоль по течению, чтоб боком не наскочить на камень и не перевернуться. Меня задевает по лицу свесившейся над водой ивиной, обдаёт её горьковатым запахом. Отец кричит: «Хэ!» Хоть и так понятно, что пора вынимать.

В кармане поездка несколько щук, хариусы, мелочь. Лодки сплылись, прижались к берегу. Шумит перебор, плескает о борта. Я упираюсь веслом в дно. Гребец с соседней лодки в брод-

нях, вышел на мелководе и придерживает нас, разминая ноги. Проплыть дальше нельзя, там хорошая хариусиная ямка, надо её обловить. Кто курит, тот закурил. Я мочу руки в воде, отмахиваюсь от комаров. Пахнет мокрой сеткой, лопушками, которые, выйдя из лодки, потревожил второй гребец. Лопушки и тонкая длинная трава осока дрожат на течении, словно куда-то бегут. Отец расхваливает шест, которым он ведёт поезд. Тонкий, лёгкий. Отец принёс его осенью из Чугл, а это километров семь по лесной дороге. Я глажу светлый шест ладонью. Шест-путешественник.

В ту мою первую рыбалку поездом нам попало хорошо. Отец раскидал рыбу сначала на две кучки: одна нам, а вторую он разделил ещё пополам двум оставшимся рыбакам. Делилось просто. Отец брал двух примерно одинаковых щук и раскидывал в разные кучки. Так же поступал с другой рыбой. Иногда одна большая щука равнялась двум средним, а окунь небольшой щучке. Делил всегда отец.

Позже я много раз плавал поездом: и выше, и ниже Михайловки. И всё с отцом. Часто вскрикивали рыбаки заветное: «Хэ!» Поднимали поезд. Бывает, булькается, трепещется в сети рыба, а бывает, что и нет. Случались зацепы. Хорошо, если с лодки поезд снимется, а нет – приходилось самому смелому нырять и под водой отцеплять ячеи сети с колодины или брошенного когда-то давно старого ржавого троса. Иногда дыры прорвём в самой середине кармана. Сидим на комарах и зашиваем на скорую руку, стягиваем ячеи, на этот случай всегда нитки запасены.

Отец рассказывал, что как-то дыру не заметили, да и некогда было рассматривать – впереди река кипит. Огромный косяк ельцов, наверно собравшийся с полреки, поджатый к приволоке, пошёл на прорыв. Видно было, как тёмная полоса в поездок потянулась. Подняли, а в кармане дыра огромная. Потом шутили, что ельцы сами дыру пробили.

После того как отец умер, мы плавали поездом только один раз. Опять от Касковы. Но неудачно.

Примечания

[1] Корзина, сплетённая из тонких длинных сосновых щепок одинаковой ширины. Бывают большие двуручные гольтиницы для разных хозяйственных нужд, бывают с одной ручкой, относительно небольшие, для сбора грибов.

[2] Таволга вязолистная.

[3] Небольшие рыбки с палец длиной, без чешуи.

[4] Осиновка – лодка-долблёнка из толстой осины.

Однажды, когда я был маленький, отец вдруг начал обнимать деревья в лесу. Одно, второе, третье... Я думаю: «Что такое?» Отец заметил моё изумление и говорит:

– Осину на лодку выбираю. Надо, чтоб была толстая, чтоб рук обнять не хватило и пальцы не сошлись.

А деревья стоят огромные, вершины в небо уходят, запрокинешь голову, и даже страшно становится от их величины.

Помню и свой первый вечерний выход из деревни без взрослых. Мы с братом пошли к отцу, который невдалеке около ручья делал лодку. В сумерках всё необычно. Пахнет землёй. Кое-где в лесочке за ручьём лежит снег. Отца и его помощников пока не видно. Их скрывает небольшой бугорок, но уже слышны удары топоров: мужики торопятся больше сделать за сегодня.

Лодка почти готова. Белая-белая в сумерках. Рядом щепки, опилки. Слышен особый свежий запах осины. Над опилками кружатся столбом первые весенние комары. А где-то вдали токуют на вечерней зорьке косачи.

На следующий день мужики доделали лодку, принесли её домой прямо на руках и положили под крышу сушить.

Осина должна быть не только толстой, но и мягкой, удобной для обработки, не гнилой, не кривой, лучше, чтоб корка оказалась чуть зеленоватой, то есть ещё молодой. Длинной лодка пять с половиной метра, именно такой длины и выпиливают бревно. Лодку можно делать как прямо в лесу, так и притащить бревно к деревне трактором. Сначала осину корят. И тут можно увидеть, насколько у неё белая древесина, даже прикасаться страшно. И вот надо по этой белизне чертить. Чтобы определить, где надо опилить, где надо выдолбить. А как чертить? – к стволу линейку или рейку не приложишь – кругло. Для этого используют толстую нитку. Натрут её ольховой головёшкой, приложат где надо,

оттянут: хлоп! – и осталась черта на дереве. Первым делом опиливают носы, потом выбирают внутри: выпиливают пилой, вырубает топором и теслом (специальным инструментом в виде тяпки, только очень острым). В итоге от осины остаётся одна оболочка, как скорлупа. Чтобы «скорлупа» эта была одинаковой нужной толщины и её топором не прорубили, есть ещё хитрость. Помогает опять же ольха. В осине с внешней стороны сверлят отверстия рядами, в отверстия вбивают ольховые чопики, так называемые сторожки. У ольхи древесина красная, поэтому внутри осины сторожки видны хорошо. Мастер осторожно добирается теслом до такого сторожка (который вдруг выглядывает, как глазок) и уже знает, что дальше рубить нельзя, а можно только ровнять. Толщина «скорлупы» со спичечный коробок. Недаром мой дед говорил: «Чтобы лодку сделать, надо всю осину на щепу перевести».

Когда лодка выдолблена, она напоминает огромное корыто. Только около носов расстояние между бортами довольно большое, так что может человек внутрь лечь, как в люльку, а в середине лодки борта почти сходятся один к другому, едва топорщице проходит. Чтобы «корыто» превратилось в лодку, его разводят. Установив на козлах над большим, оседающим уже костром, нагревают то один бок, то другой, то днище. Чтобы не загорелось, протирают мокрой тряпкой. От нагрева борта становятся гибкими. Внутри распаренной лодки вставляют один за другим согнутые дугой стволики маленьких ёлочек. Стараясь разогнуться, они своей малой силой выгибают борта будущей лодки. И там, где между бортами в середине лодки было сантиметров десять – уже метр. Лодку фиксируют в таком состоянии. Когда высохнет, вставляют внутрь четыре ребра из берёзы. Эти рёбра ищут особо. Находят берёзу с подходящим изгибом, вырубят, обрабатывают, сушат, а потом вставляют. Иной раз лодка получается настолько лёгкой, что здоровый крепкий мужик высохшую может поднять на плечо и унести на зиму с реки, чтобы не портилась. Лодку такую называют осиновка или долблёнка.

[5] Крюк – то же самое, что жерлица или рогатка – рыболовная снасть на щуку, оснащённая металлическим поводком и крючком-двойничком.

Мы делали крюки так. Наматывали на небольшой кусок резины или обрубок резинового шланга несколько метров капроновой нитки.

Конец нитки закрепляли в прорез-зажим на резине, чтоб живец нитку не мог выдернуть, а щука легко. С разгона схватив живца, щука размазывает нитку, насколько ей нужно, и не боится, что это ловушка. Потом заглатывает свою добычу – и уже на крючке. Крюк подвешивали на кол, воткнутый под наклоном в берег или дно.

[6] Комплекс по просеиванию и просушке зерна. У нас в деревне он располагался в огромном кирпичном здании.

[7] Сероточка – выделенный участок соснового бора. На стволах сосен специальным инструментом делают надрезы «ёлочкой вниз», под надрезами устанавливают пластиковую воронку, в которую постепенно набирается смола-живица.

[8] Болонь – слой древесины сразу под корой дерева. Чем меньше болони, тем лучше выстоялось дерево, крепче и дольше будет стоять в срубе или изделии. В идеале болонь должна быть не толще пальца шириной.

[9] Рыбу пугают и гонят в сеть с помощью бота.

[10] Бот – длинный шест, на конце которого закреплён кап (нарост на берёзе, из которого изготавливают различные поделки). Снизу древесины у капа выбрана, поэтому при ударе под воду загоняется воздух, пузыри которого особенно пугают рыбу.

[11] Тетивы две – верхняя и нижняя. Тетива –

специальная верёвка, особым способом привязанная сверху и снизу сети. В данном случае – верхняя тетива.

[12] Выбирать сеть – вытягивать её в лодку одновременно за верхнюю и нижнюю тетиву.

[13] Беседка – сиденье в лодке. Основная беседка в осиночке одна. Она прибита в корме. Чаще на ней сидит тот, кто гребёт. Но длина лодки позволяет установить ещё одну или две временные беседки, не прибывая их, – по сути, просто широкие доски, специально опилённые.

[14] Неожиданно упасть в воду с риском для здоровья или жизни, то же самое – провалиться под лёд. Есть понятие – искупаться с головкой.

[15] Лопатой называют деревянное весло, вырезанное из доски. Оно очень похоже на лопату, которой ставят хлеб в русскую печку.

[16] Рыболовная снасть из сетки в виде мешка.

Сергей МУРАШЕВ

родился в деревне Малая Липовка Архангельской области.

В Малой Липовке Сергей окончил девятилетку.

Среднее образование получил в районном городе Вельске.

Пробовать себя в литературе начал в конце девяностых.

Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Автор трёх книг.

Публиковался в журналах «Наш современник»,

«Роман-газета», «Север», «Двина» и других.

Лауреат премии «Слово 2019»,

Московской литературной премии имени М. М. Пришвина и др.

Член СП России с 2007 года.

Живёт в Коломне.

